

СИРЕНА АМИРЕЛЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЛОМАННЫЙ
КОД

18+

Сирена Амирель

Сломанный код. Часть первая

«Автор»

2026

Амирель С.

Сломанный код. Часть первая / С. Амирель — «Автор», 2026

Главная героиня выстроила свою жизнь на прочном фундаменте логики. Никакой веры в судьбу, никаких иллюзий и глупых надежд — только успешная карьера и любимая дочь, ради которой она готова на всё. Её мир был безопасным, предсказуемым и... абсолютно холодным. Но этот фасад рушится в один миг, когда на её пороге возникает призрак из прошлого. Мужчина, который когда-то ушёл без объяснений, оставив после себя лишь пепел её доверия, снова смотрит ей в глаза. Хватит ли у неё сил простить предательство? И осмелится ли она вновь впустить в своё израненное сердце того, кто однажды его разбил? Пока она пытается разобраться в собственных чувствах, вокруг неё закручивается вихрь древней и смертоносной игры. На шахматной доске вечного противостояния сошлись двое: Адам — безупречный защитник, идущий праведным путём света, и Люциан — холодный, пугающе расчётливый и выбравший первозданную тьму. Их битва давно вышла за рамки банальной войны добра и зла. Теперь на кону нечто гораздо большее...

© Амирель С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сирена Амирель

Сломанный код. Часть первая

Глава 1

Глаза наблюдали.

Спокойно. Терпеливо. Казалось, само время веками застывало в их бездонной глубине.

Они созерцали рождение и крах великих империй. Видели, как свет поднимался навстречу робкой надежде и как тьма укрывала мир своим холодным покрывалом. Видели жёсткие войны, рождённые слепым страхом, и хрупкий мир, который наступал лишь через глубокое понимание.

Эти глаза стали свидетелями бесчисленных эпох. Они слишком хорошо знали: свет далеко не всегда несёт в себе благо, а тьма — вовсе не обязательно порождает абсолютное зло. Но неумолимое время показало нечто иное. Из яростного столкновения света и тьмы родилось нечто большее. Нечто такое, чего не предвидела ни одна из сторон.

Именно поэтому сейчас этот древний, преисполненный мудрости взгляд скользнул по бесчисленным, переплетённым нитям человеческих судеб и замер лишь на одной — единственной. На женщине, которая в это самое мгновение шла по шумной улице Лос-Анджелеса и искренне считала этот день самым обыкновенным и серым.

Если бы она только знала, сколько невидимых глаз наблюдают за каждым её шагом.

Если бы она только догадывалась, кем ей предстоит стать...

Но утро выдалось слишком обыкновенным. И именно эта обыденность раздражала больше всего.

Ева неторопливо шла по улице Лос-Анджелеса, совершенно не замечая ни слепащего солнца, ни вечно спешащей мимо толпы. Её мысли раз за разом возвращались к недавнему происшествию.

Светлые локоны холодного, пепельного оттенка мягко переливались в полуденных лучах. Большие тёмные очки надёжно скрывали её серо-голубые глаза. Со стороны этот образ выглядел безупречно, почти идеально: тонкие, точёные черты лица, безукоризненно светлая кожа, благородная и какая-то отстранённая, прохладная красота.

А вокруг бурлила привычная городская суeta. Прохожие двигались в каком-то безумном, автоматическом ритме — каждый куда-то спешил, каждый был с головой погружён в собственную жизнь. Никто ни на кого не обращал внимания. Серая, предсказуемая повседневность... и сейчас Ева отчаянно цеплялась за неё, как за спасательный круг.

— Это скоро закончится, — едва слышно прошептала она самой себе.

Машина. Нужно просто забрать её из ремонта, и тогда всё окончательно встанет на свои места. Больше никакого душного общественного транспорта, никаких вечно опаздывающих такси и никаких странных, подозрительных людей вокруг. Наконец-то вернётся прежний контроль.

Ева сделала медленный, глубокий вдох, словно бережно тестируя собственное внутреннее состояние.

Она спокойна.

Она собрана.

Она по-прежнему держит всё под контролем.

Почти...

Но именно в это мгновение безжалостная память снова нанесла сокрушительный удар.

Шумный, яростный дождь с силой барабанил по лобовому стеклу.

Автомобильные дворники бешено работали на пределе своих возможностей, но потоки воды всё равно размывали дорогу впереди.

Ева вела машину быстро, но уверенно. Она всегда считала себя отличным водителем. Всегда контролировала дорогу.

Внезапно темноту салона разрезала яркая вспышка — экран телефона загорелся от пришедшего уведомления. Какое-то глупое сообщение... Она отвлеклась лишь на мгновение. Буквально на одну короткую секунду.

Громкий автомобильный гудок. Резкий. Пронзительный. Оглушающий. Слишком близко! Слепящий свет фар наотмашь ударил по глазам. Вспышка. Скрежет металла. Весь её мир перевернулся с ног на голову.

И вдруг — оглушительная, мёртвая тишина. Пальцы до боли ещё сжимали остывающий руль. А в ушах стоял лишь один звук — собственное сердце колотилось так бешено и сильно, что полностью заглушало весь остальной мир.

«Я жива...» — обожгло сознание.

Это была её первая, самая чёткая мысль.

Передняя часть машины превратилась в грудку смятого железа.

Но что-то во всём этом было не так. Какая-то зловеющая, противоестественная неправильность. Сам удар... он просто не мог произойти подобным образом. Всё выглядело так, словно чья-то невидимая рука в самое последнее мгновение переписала законы физики и изменила саму реальность.

— Вы целы? Эй, вы в порядке? — сквозь пелену шока донёсся голос откуда-то снаружи.

Ева не ответила. Она не могла пошевелиться, завороченно глядя прямо перед собой — сквозь треснувшее лобовое стекло на ночную дорогу.

Абсолютно пустую дорогу...

Автомобиль, с которым она только что столкнулась лоб в лоб, бесследно исчез. Ни осколков, ни тормозного следа.

— Мисс, вы меня слышите?

Ева судорожно моргнула.

И наваждение растаяло. В то же мгновение чужая машина снова оказалась там. Она стояла на месте — осязаемая, разбитая, пугающе реальная.

— Да... — едва слышно выдавила она. — Всё нормально.

Это была чистая ложь. Морок воспоминаний отступил, и Ева резко вернулась в реальность.

— Мам?

Ева испуганно вздрогнула.

Мира смотрела на неё своими большими голубыми глазами — слишком серьёзно и внимательно для семилетнего ребёнка.

— Ты опять думаешь о том, чего на самом деле не было?

Ева невольно нахмурилась:

— Было, Мира.

— Нет, — абсолютно спокойно, не по-детски серьёзно ответила девочка.

— Сначала этого не было.

Повисла тяжёлая пауза.

— А потом вдруг стало.

Ева почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод, а внутри всё болезненно сжалось.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Не знаю, — безмятежно пожала плечами дочь. — Мне просто так кажется.

В последнее время странное поведение Миры всё чаще вызывало у Евы непонятную тревогу. Но уже в следующее мгновение девочка как ни в чём не бывало переключилась: по дороге домой она болтала без умолку, увлечённо рассказывая, как «по-детски» решила назревающий конфликт с одноклассником.

— ...в общем, я просто сказала ему, что так делать неправильно, и забрала свой карандаш! — гордо подытожила Мира.

Ева опустила глаза, пытаясь скрыть невольную улыбку.

— Хорошо, что ты научилась отстаивать своё, — мягко начала она, но тут же добавила строже: — Но в следующий раз будь аккуратнее.

Мира недовольно фыркнула:

— Ты опять включаешь строгую маму.

— Я просто хочу, чтоб ты заранее думала о последствиях своих поступков.

— Мам, — протянула девочка, хитро прищурившись. — А что, если эти последствия совсем не такие, какими мы их себе представляем?

Ева нахмурилась, но предпочла промолчать. Подобные странные, не по годам взрослые вопросы дочь задавала ей едва ли не каждый день.

И вдруг по телу разлилось смутное смятение. Ей показалось, что в самом ритме улицы что-то неуловимо изменилось. Движения прохожих стали какими-то неестественными.

«Просто усталость, — мысленно приказала себе Ева. — Слишком много работы, эта бесконечная спешка.»

И всё же... Полуденные лучи солнца внезапно показались слепяще-яркими, а шаги людей вокруг замедлились, словно в режиме ленивого стоп-кадра. Ева пыталась переключить внимание, перебирая в голове привычные будничные заботы, лишь бы сбежать от пугающих мыслей.

«Кажется, Мира совсем выбивается из рук. Ещёнемного, и она действительно проткнёт кому-нибудь глаз этим несчастным карандашом. Становится абсолютно неуправляемой... Может, если бы её отец был рядом, всёсложилось бы легче? Стоп. Нет. Я со всем справлюсь сама. Как и всегда. Нам не нужен этот ублюдок.» Порочное, давно вычеркнутое из жизни слово отозвалось в груди леденящей стужей.

Из этого мысленного оцепенения Еву выдернуло странное оптическое явление: воздух перед глазами едва заметно задрожал, являя едва различимый, неестественный сдвиг.

— Мам, здесь происходит что-то очень странное, — тихо произнесла Мира.

— Всё в порядке, — машинально отозвалась она, хотя где-то в самой глубине души уже чётко знала: их привычный мир больше никогда не будет прежним.

Мира сегодня была на редкость разговорчивой.

— Мам... а ведь иногда кажется, будто весь мир специально подстраивается под то, о чём мы думаем.

— И как это называется, Мира? Магия? — Ева попыталась улыбнуться.

— У нас не бывает магии... — девочка на секунду задумалась, а затем упрямо возразила: — Но я всё равно не понимаю: почему тогда учитель сначала сказал, что мой проект «слегка перепутан», а потом сам перепутал все бумаги?

По дороге домой они присели на лавочку в сквере, совсем недалеко от их дома. Ева молча наблюдала за тем, как дочка пытается аккуратно сложить листы обратно в рюкзак.

— Ты уже всё исправила? — поинтересовалась она.

— Да, — кивнула Мира. — Но это всё равно странно... Ну почему все сделали одну и ту же ошибку?

Ева устало вздохнула и отмахнулась от навязчивых мыслей:

— Люди постоянно ошибаются, Мира. Не ищи здесь скрытый смысл и не придавай этому мистического значения.

Дочь оторвалась от рюкзака и пристально уставилась на неё.

— Мам, а что, если эти ошибки вовсе не случайны?

Ева внутренне вздрогнула, но изо всех сил попыталась сохранить безмятежный вид и улыбнуться:

— Ну, тогда мы все в огромной опасности. И тебе, похоже, придётся заново учить меня математике.

Девочка коротко, из вежливости усмехнулась. Но её взгляд по-прежнему оставался серьёзным, не по-детски тяжёлым.

По спине Евы снова пробежал отчётливый ледяной холодок.

Это точно не было игрой воспалённого воображения. Что-то в самом фундаменте реальности сдвинулось, и Ева ощущала это каждой клеточкой тела.

Птица, плавно летевшая над верхушками деревьев, вдруг намертво зависла в воздухе, словно её силуэт грубо вырезали и вклеили в застывший кадр.

— Мам! — Мира с силой дёрнула её за рукав, указывая вверх — Смотри, она не летит!

Ева замороженно смотрела на замершее пернатое тело. Судорожно моргнула.

— Видела, — выдавила она, заметив, что птица снова взмахнула крыльями. — Всего секунда, и она полетела дальше. Всё нормально, Мира.

Но стоило ей перевести взгляд на рюкзак дочери, как сердце пропустило удар. Оставленные внутри листы бумаги сами собой сдвинулись в сторону, хотя девочка даже не прикасалась к ним.

— Мира... это ты их двигаешь? — с трудом сдерживая дрожь в голосе, спросила Ева.

— Нет, — безмятежно отозвалась дочь. — Они сами.

Ева до боли сжала кулаки, отчаянно пытаясь удержаться за остатки ускользающего рационализма.

Но пространство вокруг них стремительно менялось. Воздух сделался вязким, тяжёлым, будто превращаясь в густое желе. Привычный гул городского парка неестественно приглушался, и Ева физически ощутила, как мир вокруг них начинает подстраиваться под чью-то неумолимую волю, медленно и необратимо смещаясь. Она отрицала происходящее до последнего, но глубоко внутри уже чётко осознавала: это больше не глупое совпадение.

Резко поднявшись с лавочки, Ева крепко перехватила ладошку дочери.

— Пошли домой, — сухо и преувеличенно строго скомандовала она, тщетно пытаясь вернуть их испуганный мыслями привычный, будничный порядок.

Мира послушно, даже как-то весело подпрыгнула на месте:

— Домой? Мам, а что, если наш дом стал совсем другим?

Ева изо всех сил постаралась сохранить внешнее хладнокровие, хотя удушающая тревога уже полностью подчинила её себе.

— Он не может быть другим, — резко отрезала она, скорее убеждая себя, чем ребёнка. — Всё остаётся на своих местах.

Они шли по улице, и Ева мысленно проверяла каждый свой шаг: тротуар, дорожные знаки, фонари, входные двери. Она отчаянно цеплялась за детали, убеждая себя, что всё вокруг должно совпадать с её памятью.

Но чем сильнее она вглядывалась в окружение, тем явственнее проступали пугающие аномалии.

Массивная каменная лавочка необъяснимым образом сдвинулась на пару метров в сторону. Рыжая кошка, только что сидевшая у стеклянной витрины, мгновенно исчезла и тут же появилась на противоположном углу здания.

Листья на ветках деревьях продолжали хаотично шевелиться, хотя знойный уличный ветер полностью стих.

— Мам, а что, если я просто думаю слишком громко? — вдруг нарушила тишину Мира.

— Ты ещё ребёнок, глупышка... попыталась успокоить её Ева. — Не ищи скрытый смысл там, где его попросту нет.

— Но мама... — Мира на секунду запнулась, а затем как-то слишком легкомысленно улыбнулась: — ...а вдруг это я сама его случайно двигаю?

Ева резко застыла на месте, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Что... что именно ты двигаешь, Мира?

— Да не знаю я! — девочка всплеснула руками, забавно замахав ими в воздухе. — Просто я. Я думаю, и оно меняется!

Лицо Евы исказилось от подступившего ужаса. Она устало, тяжело вздохнула:

— Мира, послушай меня. Ты не должна забивать свою голову и так много думать о совершенно бессмысленных вещах!

— Ты хотела сказать: «не должна думать громко»? — перебила Мира.

— Мира! — в голосе Евы уже отчётливо звучало раздражение. — Нельзя думать «громко». Мысли всегда беззвучны.

— А вот и нет... — упрямо покачала головой девочка. — Когда я думаю громко, весь мир начинает меняться. А когда тихо — всё послушно остаётся на своих местах.

«*Что за бред?*» — панически пронеслось в голове у Евы. — *Она говорит совершенно дикие, пугающие вещи*». Ладно, Мира ещё совсем ребёнок, у неё бурная фантазия. Но как объяснить то, что самой Еве на каждом шагу чудятся пространственные сдвиги. Неужели это запоздалые эхо-симптомы той ужасной аварии. Или она просто сходит с ума?

Её лихорадочные мысли грубо прервал глухой стук — прямо к её ногам с ветки дерева тяжело упало крупное яблоко.

Ева замерла и сердито нахмурилась:

— Великолепно. Теперь ещё и деревья решили поучаствовать в этом балагане.

А про себя со злостью и бессилием подумала: «*Как же я ненавижу эти чёртовы яблоки.*»

Она наклонилась и подняла яблоко, сжимая его в ладони с такой силой, словно от этого плода зависел контроль над всей её жизнью.

«*Всё под контролем,* — упрямо заклинала она сама себя. — *Это просто упавшее яблоко. Обычная случайность...*»

Но Мира уже нетерпеливо протянула к ней руку:

— Мам, а вдруг это яблоко — какой-то знак?

Ева тихо, тяжело выдохнула:

— Знак? Если это так, то я бы предпочла его в упор не замечать!

Она перевела взгляд дальше на улицу, и внутри всё похолодело — город стремительно терял свои привычные очертания. Уличный фонарь, всегда стоявший строго на углу, теперь сиротливо возвышался чуть выше обычного. Стекло витрины магазина будто неумолимо скособоилось, и Ева замерла, поймав в ней чужое отражение. Из глубины тёмного стекла на неё смотрел смутный силуэт взрослого мужчины. Она совершенно не знала этого человека, но в то же мгновение её пронзила дикая мысль: на каком-то подсознательном уровне она его помнит.

— Мам — едва слышно прошептала Мира. — Он там.

Ева резко обернулась и впилась взглядом в тротуар. Никого. Лишь безликая толпа прохожих продолжала двигаться в своём привычном темпе.

— Кто там, Мира? О ком ты?

— Никого, — испуганно замкнулась девочка. — Просто... показалось. Мам... а мы точно выходили с этой стороны дома?

Ева нахмурилась, чувствуя, как земля уходит из-под ног:

— Конечно, с этой. Откуда такие вопросы?

— Просто... здесь всё немного другое. И тротуар не такой. И лампы светят как-то странно. Ева нервно хмыкнула.

— Ты смотришь слишком пристально. — тихо озвучила свою мысль Ева. — Иногда мир просто... Выглядит иначе.

Она сильно сжала яблоко, чувствуя его гладкую кожуру.

— Кажется — пробормотала она едва слышно. — Этого «кажется» в нашей жизни становится слишком много.

И впервые за долгие годы Еву пронзило леденящее осознание: контроль неумолимо ускользает. Пространство вокруг них начало едва заметно, бесшумно смещаться. И причиной этого была Мира. Девочка, словно мощный ментальный магнит, притягивала аномалии своими мыслями, детскими страхами и фантазиями, шаг за шагом «подталкивая» и деформируя реальность.

На следующий день всё снова выглядело абсолютно нормально.

Даже слишком нормально...

Ева поймала себя на спасительной мысли, что весь вчерашний кошмар — лишь следствие дикой усталости, нервного перегруза и чересчур бурного воображения дочери. Она почти сумела убедить себя в этом.

Почти...

Оглушительный звонок телефона нарушил тишину ровно в 10:17.

Ева сидела перед мерцающим монитором, в своей домашней одежде, полностью погружённая в бесконечные строчки кода. Работа из дома имела свои плюсы. Но заставляла крутиться вдвойне: сейчас она вела проекты сразу для нескольких крупных компаний, разрываясь между техническими заданиями. Её сложная, скрупулёзная профессия программиста сторонним людям казалась невероятно нудной и монотонной. Но для самой Евы этот мир был настоящим убежищем, безопасным бегством от хаотичной реальности. Здесь каждый символ, каждая цифра и алгоритм беспрекословно подчинялись строгой логике.

Она посмотрела на экран телефона, прежде чем ответить. Это был звонок из школы.

— Мира, — вздохнула Ева. — Что ты натворила на этот раз?

«Этой девочке определённо следовало родиться мальчишкой, — с горькой ухмылкой подумала Ева. — Тогда её взрывной нрав и вечное своеволие можно было бы хоть как-то оправдать».

Она провела пальцем по экрану:

— Да, я слушаю.

— Мисс Ева? — Голос в трубке звучал вежливо, даже слишком вежливо. — Вас просят срочно подойти в школу. Это касается вашей дочери.

Короткая, звенящая пауза...

— Что-то случилось?

— Произошёл небольшой ...инцидент.

Школа встретила Еву привычной смесью запахов свежей краски, бумаги и оглушительного детского гама. Но сегодня этот хаос ощущался как-то иначе: внутри Евы нарастало странное чувство дежавю, будто окружающие звуки на долю секунды отставали от движения людей. Реальность снова едва заметно слоилась.

Ева потянула за ручку и вошла в кабинет. Мира неподвижно сидела на стуле, упрямо скрестив руки на груди. Чуть дальше от неё стоял шмыгающий носом мальчик, прижимающий обёрнутый в салфетку лёд к быстро синееющему подглазью.

— Мама, — спокойно произнесла Мира

Слишком спокойно для того, кто только что устроил драку.

— Что здесь произошло? — холодно спросила Ева, переводя взгляд с дочери на припухшее лицо мальчика.

В разговор мягко вмешалась классная руководительница:

— Понимаете, у нас было обычное творческое задание... Дети должны были нарисовать свою семью.

Учительница положила лист на стол.

Ева опустила взгляд на рисунок.

Сначала она отыскивала глазами себя. Чёткие, уверенные линии. Строгий деловой костюм, волосы собраны в высокий хвост. Сходство было слишком очевидным.

«А ведь дочь — *прирождённый художник*», — не без гордости подумала Ева. Ей отчаянно захотелось улыбнуться, но пришлось подавить этот порыв, чтобы не растерять остатки авторитета строгой матери.

Затем она перевела взгляд на фигуру дочери. Рядом была нарисована Мира... Но почему у неё в руках яблоко?

«Да они издеваются надо мной, что ли, эти чёртовы яблоки?» — внутри Евы шевельнулось смутное, раздражённое недоумение.

Однако, когда её взгляд скользнул к краю листа, остатки хорошего настроения испарились без следа.

Рядом с ними стоял мужчина.

Высокий силуэт.

И он был... в доспехах? «Ну и фантазия у ребёнка», — попыталась успокоить себя Ева, но сердце застучало быстрее. Лицо незнакомца Мира прорисовывать не стала — вместо него зловеще чернела глухая, густая тень. Та самая, из витрины.

— Это... это кто? — тихо спросила Ева, не поднимая глаз.

Пострадавший мальчик внезапно хмыкнул и задорно вклинился в разговор:

— Её папа — рыцарь! — прыснул он со смеху. — Наверное, он отправился искать дракона!

Мира резко, с грохотом отодвинула стул и встала.

— Он настоящий! — упрямо отрезала Мира.

— Ну конечно! — язвительно передразнил мальчик. — И что, в замке живёт?

— Сейчас нет, — спокойно ответила девочка, но с той же пугающей, взрослой уверенностью добавила: — Но когда-то давно он жил там. Вообще он много где жил...

Ева молча разглядывала серый силуэт на бумаге. К своему удивлению, она не чувствовала злости или раздражения на дочь. Внутри неё росло совсем другое чувство — холодное узнавание.

Чуть позже, когда детей попросили подождать в коридоре, учительница закрыла дверь и осторожно повернулась к Еве:

— Мы всё понимаем, что в таком возрасте дети склонны фантазировать, мисс Ева. Но, возможно... вам стоит показать её специалисту? Психологу, например, — мягко уточнила она

— Вы предлагаете мне лечить ребёнка из-за обычного детского рисунка? — в голосе Евы прорезалось глухое раздражение.

— Дело вовсе не в рисунке, — вздохнула учительница. — Дело в том, насколько слепо Мира верит в свои выдумки. Она защищает их с такой агрессией, что готова покалечить другого ребёнка.

Ева вскинула голову и ледяным тоном отрезала:

— С моей дочерью всё в порядке!

— Конечно, разумеется, — поспешно отступила женщина, не желая развивать конфликт. — Это всего лишь профессиональная рекомендация.

Ева коротко, сухо кивнула. Она уже не слушала собеседницу — её взгляд снова непреодолимо потянулся к листу бумаги, лежащему на столе.

И в это самое мгновение...

Внутри у неё всё оборвалось. Ей отчетливо, ясно показалось, что нарисованный на бумаге рыцарь едва заметно сдвинул щит, сильнее перехватив его рукой.

Ева зажмурилась и резко моргнула.

Показалось. Рисунок был статичен.

Глава 2

Дома их встретила густая, давящая тишина.

Мира сразу же устроилась за столом и увлечённо принялась рисовать что-то новое. Ева, делая вид, будто рассеяно листает ленту новостей в телефоне, прошла на кухню, но у самой раковины замерла и обернулась.

— Мира.

— Да, мам? — не отрываясь от бумаги, отозвалась девочка.

— Кто этот рыцарь на твоём рисунке?

Мира ответила не сразу. Она медленно отложила карандаш, словно взвешивая свои слова, и только потом подняла на мать абсолютно спокойный взгляд

— Папа.

У Евы судорожно сжались челюсти, а пальцы крепче впились в корпус телефона.

— У тебя нет папы.

— Есть, — тихо, но с железной уверенностью возразила Мира.

— Ты не можешь его знать.

Девочка едва заметно покачала головой:

— Я видела его, мам.

— И где же?

— Во сне.

Воздух в комнате стал осязаемым, а тишина — плотной и тяжёлой, как перед грозой.

— И какой же он? — против воли спросила Ева.

— Он высокий. Очень сильный. А глаза у него такие... — Мира на мгновение запнулась, подбирая слова, и её взгляд стал пустым. — Будто он уже знает всё-всё, что с ним случилось. И всё, что ещё только случится.

По спине Евы медленно, волной пробежал холодок. Внутри вспыхнуло паническое узнавание — словно этот образ и эти пугающие характеристики она уже когда-то слышала. Или видела сама.

— И что твой рыцарь делал в твоём сне? — севшим голосом спросила она.

— Он просто смотрел на меня, — тихо ответила Мира, и по её лицу скользнула тень жалости. — А ещё он сказал, что ты снова всё сделаешь неправильно.

Ева резко выпрямилась, чувствуя, как внутри всё сильнее натягивается невидимая струна.

— Что?

— Не злись, — всё также спокойно повторила Мира. — Он настоящий.

Звнящая пауза.

— И он сказал, что скоро придёт.

Секунда замерла. Ева круто развернулась, уходя от этого невыносимого взгляда дочери.

— Хватит, — холодно сказала Ева, стараясь, чтобы голос не выдал её панику.

— Больше никаких историй. Мне некогда выслушивать эти глупости.

Пытаясь отвлечься и вернуть контроль над привычной домашней рутинной, она потянула за ручку и открыла холодильник. И тут же замерла, забыв как дышать.

На пустой средней полке одиноко лежало яблоко.

Глянцевое, ярко-красное. Слишком идеальное, словно сошедшее с картинки или издевательски точной иллюстрации. Ева не могла пошевелиться. В голове забились одна-единственная мысль: она точно не покупала никаких яблок. Последние годы их вообще не было в этом доме.

Пальцы онемели. Ева медленно, бережно, словно боясь потревожить притаившуюся змею, прикрыла дверцу холодильника.

— Мам... — раздался со спины тихий, вкрадчивый голос Миры.

Ева так и осталась стоять лицом к холодильнику, не в силах обернуться.

— Что?

— Ты же терпеть не можешь яблоки.

— Не люблю, — едва слышно выдохнула Ева.

Комнату затопила тяжёлая, ватная тишина.

И в этой тишине из глубины памяти внезапно вынырнуло воспоминание. Оно ударило с такой сокрушительной силой, что в глазах на мгновение потемнело, и Еве пришлось судорожно опереться рукой о край стола, чтобы просто не упасть.

Белый свет ударил в глаза. Слишком яркий, почти стерильный.

Резкий крик.

Нет, кричала не она — это был плач Миры. Маленькой, совсем крошечной Миры. Ей только едва исполнился год.

Ева судорожно прижимает её к себе, чувствуя, как собственные руки неуправляемо дрожат.

— Она задыхается! — взрывается в ушах чей-то чужой, неестественно резкий голос. Малышка хрипит, кашляет, синеет. Лицо сначала наливается багровым румянцем, а затем стремительно, страшно бледнеет.

Злосчастный кусочек яблока.

«Как я могла не доглядеть?.. Господи, как я могла?!»

— Дыши, маленькая моя, дыши... — иступлённо шепчет Ева, уже сама не понимая, кому адресованы эти слова — задыхающейся дочери или себе, застывшей от ужаса.

Воспоминания сменяются рваными кадрами: воющая сирена, мигалки скорой, ворвавшиеся в дом чужие люди. Кто-то грубо, но решительно вырывает обмякшую Миру из её онемевших рук.

— Мы сделаем всёвозможное, — бросает на ходу врач, но в его бесцветном голосе нет ни капли уверенности.

И финал. Больничный коридор.

Оглушительно холодный.

Руки пустые. До ужаса лёгкие.

И именно тогда, впервые в своей жизни... она осознала, что не может контролировать абсолютно ничего. Ни идеальные логические цепочки. Ни послушные цифры. Ни ускользающее сквозь пальцы время.

— Мы теряем её, — доносится откуда-то издали чужой, глухой голос.

Эти слова безжалостно режут по живому.

Ева бессознательно делает шаг назад, упираясь спиной в холодную больничную стену.

И вдруг...

— Пожалуйста ... — срывается с её губ едва слышимый шёпот. Она говорит это, совершенно не контролируя себя — Пожалуйста, пусть она живёт....

Ева не знает, к кому обращается. Она рациональна до мозга костей, она никогда и ни во что не верила. Ни в Бога, ни в судьбу, ни в чудеса. Но в это страшное мгновение... она молилась. Неистово, отчаянно.

«Я сделаю всё. Слышишь? Всё что угодно, только пусть она дышит...»

Слёзы сплошным потоком текут по щекам, но она их не чувствует.

Вязкие секунды растягиваются до бесконечности. Весь привычный мир вокруг стремительно рушится и перестаёт существовать, оставляя её в абсолютной пустоте.

И вдруг...

Глухой, надрывной кашель.

Резкий. Пронзительный. Живой.

Мира!

Один из врачей резко оборачивается к ней, на его лице застыло крайнее изумление.

— Она выплюнула кусок яблока!

Он на секунду замирает, словно сам не верит в происходящее, а затем выдаёт:

— Она дышит... Стабильна.

Ева стоит, оглушённая этой новостью, и далеко не сразу понимает, что самое страшное уже позади.

Ева резко открыла глаза, словно выныривая из ледяной воды.

Кухня. Родные стены. Та же гнетущая тишина.

Пальцы всё ещё судорожно сжимали край стола, побелевшие суставы ныли. С трудом заставляя себя расслабиться, она медленно, со свистом выдохнула сквозь зубы.

— Мам... — раздался негромкий голос. Мира внимательно, слишком проникательно для своего возраста посмотрела на неё. — Ты опять думаешь об этом?

Ева до боли стиснула зубы, чувствуя, как внутри всё камнеет.

— Нет.

Это была ложь. Жалкая, прозрачная ложь.

Она терпеть не могла яблоки вовсе не из-за их вкуса.

А потому что тогда, в холодной больничной палате... она впервые в жизни сломалась. Предала собственный прагматизм и сделала то, во что никогда искренне не верила — взмолилась о пощаде. И с тех самых пор она отчаянно, всеми силами пыталась вычеркнуть тот момент слабости из своей памяти.

— Он тоже это знает, — так же тихо, почти воркующе обронила Мира.

Ева медленно, словно преодолевая сопротивление густого воздуха, повернулась к дочери. Горло пересохло.

— Кто?

Мира посмотрела на неё в упор и едва заметно, одними уголками губ, улыбнулась.

— Папа ...

Глава 3

Экран ноутбука мягко светился в полумраке комнаты.

Ева машинально листала новости, которыми в последние три дня пестрил весь интернет.

«Массовый сбой электронных часов зафиксирован сразу в нескольких странах».

«Жители северного района сообщили о странном гуле в небе».

«Учёные не могут объяснить резкое изменение перелётных птиц».

Ева тихо усмехнулась и пролистнула дальше.

— Господи... люди страдают из-за ерунды, — пробормотала она себе под нос.

Следующая статья заставила её задержать взгляд.

«Тысячи людей утверждают, что видели один и тот же сон».

Ева устало закатила глаза и уже хотела закрыть ноутбук, как вдруг ей на почту пришло письмо: *«Мы ознакомились с вашим профилем...»*

Она машинально прокрутила вниз.

Компания VESPER — одна из самых закрытых и влиятельных в сфере цифровой безопасности. О ней давно ходили странные слухи. Говорили, что её невозможно взломать. И что никто до конца не знает, чем именно они занимаются.

Ева нахмурилась.

— Странно...

Она не отправляла резюме им.

И всё же письмо было слишком ... точным. Слишком личным...

Внизу адрес.

И подпись.

L.

Её пальцы на мгновение замерли над клавиатурой.

Что-то внутри дрогнуло.

Не страх.

Скорее... узнавание.

Логика.

Факты.

Последовательность.

Рисунок.

Яблоко.

Странное письмо...

— Бред, — тихо сказала она.

И в этот момент...

— Согласен. Но ты всегда начинаешь именно с этого слова.

Ева резко обернулась.

Он стоял у окна.

Словно был там всё это время.

Спокойный.

Чуть ироничный.

И абсолютно чужой.

И одновременно — нет...

Серый вечерний свет скользил по его лицу, подчёркивая острые черты и чуть растрёпанные тёмные волосы. Рукава чёрной рубашки были небрежно закатаны до локтей, а верхние пуговицы расстёгнуты так, словно ему всегда было жарко рядом с другими людьми. В его

взгляде было что-то опасное — не угроза, а тихая уверенность человека, который привык всё контролировать.

— Ты?.. — Она резко поднялась, судорожно оглядываясь в поисках чего-то тяжёлого.

Почти восемь лет ей удавалось искусно прятаться и скрывать само существование Миры.

Конечно, когда-то она представляла их встречу — случайную, мимолётную, смутную... Но никак не здесь, на собственной кухне.

— Как ты тут очутился? Как нашёл нас...меня? Как вообще сюда попал?

— Боже, сколько вопросов, Ева! — Он снисходительно усмехнулся. — Легко. Я не искал вас. Вошёл через дверь, как все нормальные люди.

Ева крепко сжала кулаки.

— Я не слышала...

— Ты многого не слышишь, Ева.

Повисла тяжёлая пауза.

Он неторопливо окинул взглядом кухню, задержался на столе, а затем посмотрел прямо на неё.

— Всё так же помешана на контроле и порядке?

— Убирайся, — процедила она сквозь зубы.

— Как вы? — невозмутимо произнёс он.

— Ты ко мне на «вы»? — попыталась съязвить Ева, но голос предательски дрогнул.

Мужчина перевёл взгляд в сторону комнаты, где спокойно спала Мира.

— «Вы» — это ты и наша дочь.

Воздух в комнате словно загустел.

— Ты не имеешь к ней никакого отношения! — отрезала Ева.

Он усмехнулся.

— Правда?

И он сделал шаг вперёд.

Ева почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Я не хочу тебя знать. Я давно забыла тебя.

— Это временно.

Пауза...

— Ты никогда ничего не помнишь.

Ева решительно шагнула к нему.

— Если ты сейчас не объяснишь, что происходит, я вызову полицию.

Он тихо рассмеялся в ответ.

— Попробуй.

Она схватила телефон. Экран послушно загорелся. «Нет сети». Ева замерла.

— Серьёзно?.. — устало выдохнула она.

Он нетерпеливо прошёлся по кухне и остановился у стола. Вдруг протянул руку и взял яблоко. То самое.

Ева резко напряглась.

— Не трогай.

Он перевёл на неё взгляд.

— Всё ещё?

— Положи.

Он медленно покрутил яблоко в пальцах, едва заметно улыбаясь полунамёком.

— А помнишь, как всё начиналось?

Ева ответила ледяным тоном:

— Нет. Но отлично помню, чем всё закончилось.

— Да неужели? А клуб «Рай» ты тоже успела забыть?

Слово ударило. Внутри неё будто что-то надломилось.

Жизнерадостная, прежняя Ева звонко смеётся.

Он.

Только совсем молодой.

И без этой горькой, усталой иронии во взгляде.

— *Мы куда?* — *сквозь смех спрашивает она.*

— *В рай,* — *он кивает на сияющую вывеску.*

«HEAVEN»

— *Серьёзно?* — *Ева шутливо закатывает глаза.* — *Откуда в тебе столько пафоса*

— *Всё только ради тебя.*

Прошлое распалось. Ева резко вернулась в реальность.

Дыхание перехватило.

— Нет...

Она сделала шаг назад.

— Всё это было ошибкой.

— Ты всегда так говоришь, — негромко и мягко ответил он.

Повисла долгая пауза.

— Когда не хочешь смотреть правде в глаза.

Он в упор посмотрел на неё.

— Да кто ты, чёрт возьми, такой, чтоб заявляться сюда спустя столько лет и...

Он не дал ей закончить:

— Тот, кто пойдёт за тобой на край света...

У Евы всё болезненно сжалось внутри. И это говорил человек, который когда-то даже не удосужился внятно объяснить, почему так жёстко бросил её. Оставил именно в тот день, когда она — растерянная, но такая счастливая — мчалась к нему, чтобы поделиться новостью о беременности. Новостью, которую так и не успела произнести. Она ведь безумно любила его и верила без оглядки. Тому, кто как ей казалось, горы ради неё свернёт... Как же жестоко она ошибалась.

И сейчас у него хватает наглости твердить про какой-то край света?!

— Ты? За мной? — Ева горько усмехнулась.

— Я понимаю, что сейчас ты мне не веришь. — спокойно ответил он. — Но поверишь, будь уверена.

— Нет, это ты будь уверен: я не поверю тебе больше никогда. Даже если сам Господь Бог спустится на землю и скажет мне об этом, — произнесла она с ледяной иронией, ведь сама давно не верила ни в какие высшие силы.

В ответ он лишь негромко рассмеялся.

— Не льсти себе, Ева. У Него наверняка есть дела поважней, чем спускаться с небес ради моих оправданий.

Комната снова погрузилась в гнетущее молчание. Воздух стал почти осязаемо тяжёлым.

— Я знал о ней.

— Что?.. — резко выдохнула Ева.

— Всегда, — спокойно ответил он.

Повисла тишина.

— И ничего не сделал? Вообще ничего?!

Он медленно перевёл взгляд на неё.

— Я ждал.

— Чего же ?!

— Когда ты снова начнёшь ломать всё.

Пауза....

— Впрочем, как обычно.

Ева стремительно шагнула к нему почти вплотную.

— Я? Ломать? Ты сейчас пытаешься переложить на меня свои грехи?! Не смей разговаривать со мной так, словно ты меня знаешь.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сама.

— Той наивной и доверчивой девочки, которую ты знал, больше не существует. Я не верю людям... и не верю в Бога, — едва слышно добавила она.

— Иногда всё же веришь. Я знаю, как отчаянно ты молилась...

— Заткнись! Я никогда не молюсь.

— В больнице, — безжалостно продолжил он. — Когда сходила с ума от страха, что потеряешь её.

— Заткнись!!!

Он замолчал. С его лица мгновенно слетела вся былая насмешливость — впервые за этот вечер он стал пугающе серьёзным.

— Вот видишь, — тихо произнёс он. — Ты просто не хочешь помнить.

Тишина вернулась.

Тяжёлая, осязаемая, давящая на плечи.

— Ева, ты снова всё ломаешь.

Пауза...

— Но в этот раз...

Он снова бросил взгляд в сторону комнаты, где спала Мира.

— ...я не позволю тебе всё испортить.

В этот самый момент в кармане у Адама требовательно зазвонил телефон.

— Прости, надо ответить, — бросил он Еве и тут же переключился на звонок:

— Да, я занят. перезвони позже.

— Стой, Адам... — раздался в трубке строгий, но на удивление дружелюбный голос. — Что ты творишь? Тебе нельзя там находиться.

— Вообще-то у меня не было выбора. Он уже переходит все границы.

— Главное — сам удержишься на грани, помнишь?

Адам горько усмехнулся.

— Это твои слова или отец надиктовал, что говорить? Ладно, поговорим позже, я занят, — пробормотал он быстро сбросив вызов.

«Да знаем мы, насколько ты занят», — мысленно хмыкнул человек на том конце провода, глядя на потемневший экран.

Ева замерла не в силах пошевелиться *«Что этот псих вообще несёт? И надо же было когда-то так влюбиться, чтобы выбрать в отцы своему ребёнку законченного сумасшедшего...»*

— Уходи.

Он коротко кивнул.

— Уже.

Развернувшись, Адам направился к выходу.

Но у самой двери остановился.

Не оборачиваясь, он негромко произнёс:

— И да... В том, что случилось, не совсем твоя вина.

Ева нахмурилась.

— Что?

Он едва заметно повернул голову в её сторону.

— Нас ведь не из-за тебя выставили из «Рая»
Дверь закрылась. Снова воцарилась глухая тишина.
Прошла секунда. И в этот миг внутри неё словно сработал невидимый переключатель.
Это была не просто мысль и даже не вспышка воспоминания. Это было нечто гораздо большее.

Музыка. Оглушительная, тяжёлая. Она вибрирует в воздухе и бьёт прямо в грудь. Яркий свет нещадно режет глаза. Чей-то смех...

И посреди всего этого безумия — Ева.

Совсем другая. Настоящая, живая, громкая и абсолютно свободная.

Она залихватисто смеётся, запрокидывая голову назад.

— Ты серьёзно привёл меня именно сюда? — кричит она, пытаясь перекричать гул.

Он стоит рядом.

— А что, разве не похоже на рай?

Она закатывает глаза.

— Если это рай, то у меня появились вопросы к здешней системе ценностей.

Он усмехается, глядя на неё с нескрываемым восхищением.

— Ты вечно во всём сомневаешься, Ева.

— А ты всегда слишком уверен в себе.

— Исключительно в одном — в том, что безумно люблю тебя.

Она искренне, в голос рассмеялась.

— Не самое лучшее место ты выбрал для первого признания!

В ту ночь они без конца танцевали. Слишком много целовались. И выпили невероятное количество коктейлей.

Ева танцует, хмелея с каждой минутой... Свободно, без оглядки на правила Без привычного контроля. Её движения кажутся слишком вызывающими и смелыми.

— Родная, полегче, на тебя же все смотрят, — с мягкой улыбкой шепчет он ей на ухо.

— И прекрасно! — смеётся она в ответ. — Здесь все так себя ведут!

— Ладно-ладно Может, лучше отвезти тебя домой? Мне кажется, кое-кто уже перебрал.

— Нет уж! Я сегодня закончила первый курс, и между прочим — на отлично! Имеет право прилежная студентка хоть раз побыть плохой девочкой? Сегодня мне можно всё: танцевать, пить, ловить кайф от жизни и снова танцевать!

Ева упивалась собственной неотразимостью. Точнее, это алкоголь внушал ей мысли о полном превосходстве и абсолютной свободе. Не прекращая двигаться в такт музыке посреди бурлящей толпы, Ева дерзко растянула пару верхних пуговиц на блузке. Адам в этот момент как раз отвлёкся — уткнулся в экран телефона, пытаясь вызвать такси через приложение.

— Эй... — раздалось совсем рядом.

Голос был чужим.

Парень. Весь его вид так и лучился самоуверенностью, граничащей с откровенным надмением.

— Ты одна здесь?

Ева пьяно рассмеялась.

— А ты на это надеешься?

Вместо ответа он лишь ухмыльнулся и шагнул к ней. Слишком быстро, нарушая все границы.

— Я просто подумал, что ты выглядишь... свободной.

— Ошибся, — резко оборвала его она, но улыбка всё ещё не сошла с её лица.

Но незнакомца это не остановило. Музыка вокруг словно стала ещё громче, закладывая уши. Парень бесцеремонно положил ладонь ей на талию, но Ева тут же скинула его руку.

— Не трогай меня.

— Да ладно тебе, расслабься, — усмехается он. — Ты же сама...

Договорить он не успел. Чья-то сильная рука мёртвой хваткой вцепилась в его плечо и с силой рванула назад.

— Она сказала «нет», — ледяным тоном произнёс Адам.

Парень лишь дерзко усмехнулся в ответ:

— А ты у нас кто? Муж?

— Пока нет, — отозвался Адам

Повисла короткая, зловещая пауза.

— Но ты уже зря это начал.

Ева ошеломлённо уставилась на Адама. В её глазах читалось крайнее удивление.

— Да расслабься ты, — примирительно вскинул руки парень. — Я просто...

Договорить он не успел. Хлёсткий, резкий и пугающе чёткий удар прилетел ему прямо в челюсть. Без малейшего предупреждения.

Незнакомец тяжело отшатнулся назад, едва удержавшись на ногах.

Клубная музыка всё также гремела из динамиков, но люди вокруг уже начали оборачиваться, предвкушая зрелище.

— Ты с ума сошёл?! — в панике выкрикнула Ева, хватая Адама за руку, чтобы удержать.

— Напротив, — всё также невозмутимо ответил он. — Я просто быстрее других понимаю, чем обычно заканчиваются такие разговоры.

Парень тыльной стороной ладони вытер хлынувшую из разбитой губы кровь. Ответить он не успел — охрана и друзья уже подхватили его под руки, стремительно оттаскивая в сторону. Но перед тем как скрыться в толпе, он бросил на Адама тяжёлый взгляд и с кривой насмешкой процедил:

— Мы ещё встретимся, приятель.

Пауза...

Адам ничего не ответил. Он лишь молча смотрел незнакомцу вслед — долго, пугающе спокойно.

Как будто... просчитывал его или оценивал.

— Охрана! Сюда! — выкрикнул кто-то в толпе.

Вокруг поднялся шум. Чьи-то чужие, цепкие руки бесцеремонно схватили их обоих, лишая возможности двинуться.

— На выход! Живо!

— Он первый к нам полез! — попыталась заступиться за Адама Ева.

Но её никто не слушал. Секьюрити грубо поволокли их к дверям, и уже через мгновение лицо ударил ночной свежий воздух. На контрасте с душиным залом это ощущалось резко, почти как пощёчина.

Придя в себя, Ева с силой вырвала свою руку из хватки Адама.

— Ты вообще нормальный? — возмущённо выдохнула она, пытаясь прийти в себя.

— Вполне, — невозмутимо отозвался он.

— Эта же была просто нелепая ситуация!

— Нет, — спокойно возразил Адам. — Это было начало.

Ева замерла.

— Чего?

Он пристально посмотрел на неё, и в его глазах промелькнуло какое-то странное, новое чувство.

— Начало всего...

Она невольно рассмеялась, и вес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.